

Кишмиш / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Кишмиш / рассказ КИШМИШ

Великий пост. Москва.

Гудит далеким глухим гулом церковный колокол. Ровные удары сливаются в сплошной тяжкий сон.

Через дверь, открытую в мутную предутренней мглой комнату, видно, как, под тихие, осторожные шорохи, движется неясная фигура. Она то зыбко выделяется густым серым пятном, то снова расплывается и совсем сливается с мутной мглой. Шорохи стихают, скрипнула половица, и еще одна – подальше. Все стихло. Это няня ушла в церковь, к утрене.

Она говеет.

Вот тут делается страшно.

Девочка свертывается комочком в своей постели, чуть дышит. И все слушает и смотрит, слушает и смотрит.

Гул становится зловещим. Чувствуется беззащитность и одиночество. Если позвать – никто не придет. А что может случиться? Ночь кончается, наверное, петухи уже пропели зорю, и все привидения убрались восвояси.

А «свояси» у них – на кладбищах, в болотах, в одиноких могилах под крестом, на перекрестке глухих дорог у лесной опушки. Теперь никто из них человека тронуть не посмеет, теперь уже раннюю обедню служат и молятся за всех православных христиан. Так чего же тут страшного?

Но восьмилетняя душа доводам разума не верит. Душа сжалась, дрожит и тихонько хнычет. Восьмилетняя душа не верит, что это гудит колокол. Потом, днем, она будет верить, но сейчас, в тоске, в беззащитном одиночестве, она «не знает», что это просто благовест. Для нее этот гул – неизвестно что. Что-то зловещее. Если тоску и страх перевести на звук, то будет этот гул. Если тоску и страх перевести на цвет, то будет эта зыбкая серая мгла.

И впечатление этой предрассветной тоски останется у этого

существа на долгие годы, на всю жизнь. Существо это будет просыпаться на рассвете от непонятной тоски и страха. Доктора станут прописывать ей успокаивающие средства, будут советовать вечерние прогулки, открывать на ночь окно, бросить курить, спать с грелкой на печени, спать в нетопленной комнате и многое, многое еще посоветуют ей. Но ничто не сотрет с души давно наложенную на нее печать предрассветного отчаяния.

* * *

Девочке дали прозвище «Кишмиш». Кишмиш – это мелкий кавказский изюм. Прозвали ее так, вероятно, за маленький рост, маленький нос, маленькие руки. Вообще, мелочь, мелюзга. К тринадцати годам она быстро вытянется, ноги станут длинными, и все забудут, что она была когда-то кишмишом.

Но, будучи мелким кишмишом, она очень страдала от этого обидного прозвища. Она была самолюбива и мечтала выдвинуться как-нибудь и, главное, – грандиозно, необычайно. Сделаться, например, знаменитым силачом, гнуть подковы, останавливать на ходу бешено мчащуюся тройку. Манило также быть разбойником или, пожалуй, еще лучше – палачом. Палач – могущественнее разбойника, потому что он одолеет, в конечном счете. И могло ли кому-нибудь из взрослых, глядя на худенькую, белобрысую, стриженую девочку, тихо вяжущую бисерное колечко, – могло ли кому-нибудь прийти в голову, какие грозные и властные мечты бродят в ее голове? Была, между прочим, еще одна мечта – это быть ужасной уродиной, не просто уродиной, а такой, чтобы люди пугались. Она подходила к зеркалу, скашивала глаза, растягивала рот и высовывала язык набок. При этом предварительно произносила басом, от имени неизвестного кавалера, который лица ее не видит, а говорит в затылок:

– Разрешите пригласить вас, мадам, на кадрили.

Потом делалась рожа, полный оборот и следовал ответ кавалеру:

– Ладно. Только сначала поцелуйте мою кривую щеку.

Предполагалось, что кавалер в ужасе убегает. И тогда ему вслед:

– Ха! Ха! Ха! Небось не смеешь!

Кишмиш учили наукам. Сначала – только Закону Божию и чистописанию.

Учили, что каждое дело надо начинать молитвой.

Это Кишмиш понравилось. Но имея в виду, между прочим, и карьеру разбойника, Кишмиш встревожилась.

– А разбойники, – спросила Кишмиш, – когда идут разбойничать, тоже должны молиться?

Ей ответили неясно. Ответили: «Не говори глупостей». И Кишмиш не поняла, – значило ли это, что разбойникам не надо молиться, или что непременно нужно, и это настолько ясно, что и спрашивать об этом глупо.

Когда Кишмиш подросла и пошла в первый раз к исповеди, в душе ее произошел перелом. Грозные и властные мечты погасли.

Очень хорошо пели постом трио «Да исправится молитва моя».

Выходили на середину церкви три мальчика, останавливались у самого алтаря и пели ангельскими голосами. И под эти блаженные звуки смирялась душа, умилялась. Хотела быть белой, легкой, воздушной, прозрачной, улетать в звуках и в дымах кадильных туда, под самый купол, где раскинул крылья белый голубь Святого Духа.

Тут разбойнику было не место. И палачу и даже силачу совсем тут быть не подходило. Уродина-страшилище встала бы куда-нибудь за дверь и лицо бы закрыла. Пугать людей было бы здесь делом неподходящим. Ах, если бы можно было сделаться святой! Как было бы чудесно! Быть святой – это так красиво, так нежно. И это – выше всего и выше всех. Это – важнее всех учительниц и начальниц и всех губернаторов.

Но как сделаться святой? Придется делать чудеса, а Кишмиш делать чудес ни капельки не умела. Но ведь не с этого же начинают. Начинают со святой жизни. Нужно сделаться кроткой, доброй, раздать все бедным, предаваться посту и воздержанию. Теперь, как отдать все бедным? У нее – новое весеннее пальто. Вот его, прежде всего, и отдать.

Но до чего же мама рассердится. Это будет такой скандал и такая трепка, что и подумать страшно. И мама расстроится, а святой не должен никого расстраивать и огорчать. Может быть, отдать бедному, а маме сказать, что просто пальто украли? Но

святому врать не полагается. Ужасное положение. Вот разбойнику – тому легко жить. Ври, сколько влезет, и еще хохочи коварным смехом. Так как же они делались, эти святые? Просто дело в том, что они были старые, – все не меньше шестнадцати лет, а то и прямо старики. Они и не обязаны были маму слушаться. Они прямо забрали все свое добро и сразу его раздали. Значит, с этого начинать нельзя. Это пойдет под конец. Начинать надо с кротости и послушания. И еще с воздержания. Есть надо только черный хлеб с солью, пить – только воду прямо из-под крана. А тут опять беда. Кухарка насплетничает, что она пила сырую воду, и ей достанется. В городе – тиф, и мама сырую воду пить не позволяет. Но, может быть, когда мама поймет, что Кишмиш – святая, она препятствий делать не будет?

А как чудесно быть святой. Теперь это такая редкость. Все знакомые будут удивляться:

– Отчего это над Кишмиш – сияние?

– Как, разве вы не знаете? Да ведь она уже давно святая.

– Ах! Ах! Быть не может.

– Да вот, смотрите сами.

А Кишмиш сидит и кротко улыбается и ест черный хлеб с солью. Гостям завидно. У них нет святых детей.

– А может быть, она притворяется?

Какие дураки! А сияние-то!

Вот интересно – скоро ли начнется сияние? Вероятно, через несколько месяцев. К осени уже будет. Боже мой, Боже мой! Как это все чудесно! Пойду исповедоваться на будущий год. Батюшка спросит строго:

– Какие у тебя грехи? Кайся.

А я ему в ответ:

– Ровно никаких, я – святая. Он – ах! ах! Быть не может!

– Спросите у мамы, спросите у наших гостей – все знают.

Батюшка начнет допытываться, может быть, какой-нибудь, самый маленький, грешок есть?

А Кишмиш в ответ:

– Ни од-но-го! Хоть шаром покати.

А интересно – нужно будет все-таки уроки готовить? Беда, если нужно. Потому что лениться святому нельзя. И не слушаться

нельзя. Прикажут – учись. Если бы еще сразу суметь делать чудеса. Сделать чудо – учительница сразу испугается, упадет на колени и урока не спросит.

Потом представила себе Кишмиш, какое у нее будет лицо. Подошла к зеркалу, втянула щеки, раздула ноздри, подкатила глаза. Такое лицо Кишмиш очень понравилось. Действительно – святое лицо. Немножко тошнительное, но совсем святое. Такого ни у кого нет. Теперь, значит, айда на кухню за черным хлебом.

Кухарка, как всегда перед завтраком, сердитая и озабоченная, была неприятно удивлена кишмишовым визитом.

– Чего барышням на кухню ходить? Мамашенька забранят.

Кишмиш невольно потянула носом. Пахло вкусной постной едой – грибами, рыбой, луком. Хотела было ответить кухарке «не ваше дело», но вспомнила, что она – святая, и отвечала сдержанно:

– Будьте добры, Варвара, отрезать мне кусочек черного хлеба.

Подумала и прибавила:

– Большой кусочек.

Кухарка отрезала.

– И будьте добры посолить, – попросила Кишмиш и завела глаза к небу.

Хлеб надо было съесть тут же, а то, пожалуй, в комнатах не поймут, в чем дело, и выйдут одни неприятности.

Хлеб оказался превкусным, и Кишмиш пожалела, что не спросила сразу два куска. Потом налила воды из-под крана в ковш и стала пить. Вошла горничная и ахнула:

– А я вот мамаше скажу, что вы сырую воду пьете.

– Так она – эва, какой кусище хлеба с солью съела, – сказала кухарка. – Ну, оно и пьется. Appetit к росту.

Позвали к завтраку. Не идти нельзя. Решила идти, но ничего не есть и быть кроткой.

Была уха с пирожками. Кишмиш сидела и тупо смотрела на положенный ей пирожок.

– Чего же ты не ешь?

Она кротко улыбнулась в ответ и в третий раз сделала святое лицо – то, что приготовила перед зеркалом.

– Господи, что это с нею? – удивилась тетка. – Что за гримасы?

– Они перед самым завтраком во какой кусище черного хлеба

съели, – донесла горничная, – и водой из-под крана запили.
– Кто тебе позволил ходить в кухню и есть хлеб? – сердито
закричала мать. – И ты пила сырую воду?
Кишмиш подкатила глаза и смастерила окончательно святое лицо,
с раздутыми ноздрями.
– Что это с ней?
– Это она меня передразнивает! – взвизгнула тетка и
всхлипнула.
– Пошла вон, скверная девчонка! – сердито сказала мать. – Иди
в детскую и сиди весь день одна.
– Хоть бы скорее отправили ее в институт! – всхлипывала тетка.
– Буквально все нервы. Все нервы.

* * *

Бедная Кишмиш!
Она так и осталась грешницей.

Тэффи (Надежда ЛОХВИЦКАЯ). Некаýalar